

— Вы в последнее время так странно себя ведёте! Раньше, конечно, вы тоже частенько заглядывали в наш Терем Водных Облаков, но не с такой же частотой! Каждый день без пропусков... — она протянула слова с оттенком упрёка и лёгкой кокетливости. — И даже не разговариваете с нами. Что вы вообще задумали?

Чэн Фэнтай, взглянув на неё, продолжил листать газету и с улыбкой ответил:

— Мастер Юань, это что, намёк, чтобы я ушёл?

Юань Лань с лёгким недовольством возразила:

— Да как я посмею! Вы же наш почётный гость, наш благодетель! Просто я никак не могу понять ваши намерения.

— Что тут непонятного? Вы же человек светский, неужели не видите? — Чэн Фэнтай закрыл газету, посмотрел на Юань Лань и, прочистив горло, заявил:

— Я ухаживаю за вашим главой труппы!

Эти слова он произнёс так громко и ясно, что все лицедеи Терема Водных Облаков остолбенели, а затем, почувствовав, что их подшутили, засмеялись, покачивая головами. Юань Лань сначала тоже замерла, но затем, махнув рукой, будто хлопнула его на расстоянии, рассмеялась:

— Эх, второй господин! Если не хотите говорить, так и скажите, мы же не можем вас заставить. Зачем же на Шана Сижую ссылаться? Он ещё молод, кожа тонкая, услышит это — рассердится, а я тут ни при чём.

Чэн Фэнтай подумал: «Фань Лянь понял всё без слов, Сяо Лай и вовсе проникательна — она, кажется, почуяла что-то ещё до того, как между мной и Шан Сижуюем что-то началось. Почему же здесь, в логове Шана, где все любят сплетничать и болтать, никто не верит?» Он тихо спросил:

— Командующий Цао может за ним ухаживать, а я — нет? В чём здесь логика?

Юань Лань пристально посмотрела на Чэн Фэнтай, в её взгляде было что-то вызывающее. Она тоже понизила голос:

— Если бы вы сказали, что ухаживаете за кем-то ещё, я бы поверила. Но за Шаном Сижуюем — никто не поверит. В следующий раз выберите кого-нибудь другого в качестве прикрытия.

— Почему? Я не понимаю.

— Просто это не похоже на правду.

— Я не похож на того, кто ухаживает за лицедеями? Или он не общается с посторонними?

— Вы — похожи, и он — общается. Но когда вы вместе, это выглядит совсем иначе.

— Ах вот как?

Чэн Фэнтай и Шан Сижуй сами этого не замечали, но когда они были вместе, то больше походили на пару закадычных друзей, чем на влюблённых. Их глаза не излучали страсти, зато наполнились остроумием и забавными идеями, словно старший мальчишка вёл за собой младшего, играя и дурачась. Поэтому, за исключением Фань Ляня и Сяо Лай, которые видели всё насквозь, никто не мог представить их вместе. Старина Гэ не в счёт — он считал, что каждый, кто рядом с Чэн Фэнтаем, — его любовник.

Юань Лань, повернувшись к зеркалу, сказала с улыбкой:

— Не спрашивайте больше. Это просто не похоже на правду. Кого бы вы ни спросили, все скажут то же самое.

Чэн Фэнтай развернул газету и с глубоким вздохом произнёс:

— Ладно, я тогда объявление в «Цзинхуа жибао» размещу, чтобы все поняли, что это правда.

Юань Лань, сдерживая смех, уже хотела что-то сказать, как вдруг в дверь вошёл Шан Сижуй, сияющий от радости. За ним следовали двое, несущих табличку, а за ними — человек, отвечающий за сцену. Для Шана Сижую специально приготовили огромный поднос, полный денег от зрителей. В его доходах ежемесячное жалованье в восемьсот юаней не было основной статьёй. Каждый раз, когда он выходил на поклон, зрители бросали на сцену сотни и тысяч юаней. Банкноты и серебряные монеты, завернутые в яркую бумагу, летели на сцену, как град. Особенно активными были дамы и барышни, которые, растрогавшись, рыдали и кричали имя Шана Сижую, бросали деньги, а затем снимали с себя украшения, включая обручальные кольца и семейные реликвии. Однажды одна дама, вдохновлённая исполнением Шаном Сижую пьесы «Великая героиня», в слезах сняла с руки нефритовый браслет и бросила его на сцену, где он разбился на мелкие осколки.

Как только Шан Сижуй сел, Сяо Лай тут же подала ему чай и начала снимать грим, действуя быстро и без промедления. В зеркале, стоящем перед Шаном, отражался диван, на котором сидел Чэн Фэнтай. Шан Сижуй, глядя в зеркало, улыбался ему и протяжно произнёс:

— Второй господин...

Чэн Фэнтай тоже улыбнулся в ответ:

— Эй, мастер Шан.

Их взгляды встретились, наполненные нежностью, но для окружающих это выглядело как глупая улыбка без причины.

Человек, отвечающий за сцену, поднёс поднос Шану Сижую. Серебряные монеты и банкноты сразу же пошли в казну, а драгоценности Шан должен был осмотреть, оставить себе то, что понравится, а остальное раздать в качестве наград. Под ярким светом гримёрного зеркала

драгоценности сверкали: жемчуг, агат, нефрит, черепаховый панцирь. Шан Сижуй не спешил, медленно пил чай, снимал головной убор, а затем небрежно перебирал содержимое подноса.

Юань Лань, заглянув, сказала:

— Жуй-гер, если увидишь крупное жемчужное ожерелье, не бери, оставь мне. Моя нитка жемчуга порвалась, а к ципао нечего надеть.

Шан Сижуй кивнул с улыбкой:

— Хорошо.

Он перебрал драгоценности, выбрал нефритовый браслет и, рассматривая его, сказал:

— Этот нефрит выглядит прочным, не боится падений. Завтра я смогу использовать его в роли Сунь Юйцзяо.

В то время как другие в пьесе «Поднятие нефритового браслета» использовали дешёвые стеклянные браслеты за два цзяо, Шан Сижуй имел странную привычку: он предпочитал настоящие драгоценности для своих ролей. Он считал, что только так он мог полностью войти в образ, и это обходилось ему в немалые деньги. Он говорил, что для того, чтобы сыграть настоящую принцессу или знатную даму, все его костюмы и украшения должны быть настоящими, чтобы не было ни малейшего изъяна. Если надеть дешёвую подделку, самому станет неловко, и зрители не поверят. Это было его стремлением к совершенству.

Шан Сижуй взял только один браслет, а остальные раздал по старшинству, щедростью поразив даже Чэн Фэнтая, который подумал: «Неудивительно, что Терем Водных Облаков не распадается, несмотря на все ссоры. Они, как маленькие и большие духи, крутятся вокруг Шана Сижуюя, словно вокруг доброго бога богатства».

Пока они болтали, в комнату ворвался Шэн Цзыюнь, держа в руках коробку и крича:

— Сижуй! Посмотри, что я тебе принёс!

Он недавно вернулся домой на праздники, а затем у него были экзамены, так что возможности навестить Шана Сижуюя не было. Сегодня он выкроил время, но, к своему сожалению, встретил Чэн Фэнтая. Теперь, в какой бы день он ни пришёл, он неизбежно сталкивался с Чэн Фэнтаем.

— Второй брат Чэн... ты здесь...

Чэн Фэнтай посмотрел на него холодно:

— Ты вернулся из Шанхая больше месяца назад. Почему не зашёл ко мне домой? Я должен был тебя пригласить? У тебя, видимо, большие амбиции!

Шэн Цзыюнь замялся. Чэн Фэнтай, с лёгким акцентом, спросил:

— Как дела дома? Бабушка здорова?

— Всё хорошо.

— Люди, которые присматривают за моим домом, наверняка ходят в гости и пьют вино. Убедись, чтобы фейерверки не попали в дом. Твой четвёртый брат проверял?

— Да. В первый день нового года он лично проверил, все двери и окна в порядке.

— Я по телефону попросил его привезти мне леденцы с грушевым сиропом и оливки с сандалом. Где они?

Шэн Цзыюнь только сейчас вспомнил об этом и, извиняясь, сказал:

— Я принёс их, они в общежитии. Завтра доставлю к тебе домой.

— Не надо. Не стоит тебя беспокоить. Я сам отправлю кого-нибудь забрать.

Шэн Цзыюнь не хотел уходить, украдкой поглядывая на Шана Сижую, который, кроме короткого приветствия, ничего ему не сказал, и в душе он чувствовал пустоту.

Чэн Фэнтай прищурился:

— Почему ты всё ещё здесь? Твой брат недавно жаловался, что твоя успеваемость ухудшилась, сочинения пишешь плохо, и, кажется, винил меня в том, что я за тобой не слежу! Ты сам знаешь, что к чему!

Шэн Цзыюнь, опустив глаза, быстро подошёл к Шану Сижую, сунул ему в руки коробку и крепко сжал его руку, словно передавая что-то важное. Затем он повернулся к Чэн Фэнтаю:

— Второй брат, я пошёл.

Чэн Фэнтай раздражённо махнул рукой, и Шэн Цзыюнь, дрожа, вышел. К этому времени лицедеи уже почти все разошлись. Шан Сижуй с улыбкой сказал:

— Ты ведёшь себя как отец, который ругает сына. Обычно ты не такой строгий.

Чэн Фэнтай ответил:

— Ты не понимаешь. В его возрасте мальчишки легко сбиваются с пути. Быть строгим с ним — правильно.

Шан Сижуй фыркнул:

— Ко мне приходят, чтобы сбиться с пути?

Чэн Фэнтай тут же рассмеялся:

— Конечно, нет. К мастеру Шану приходят, чтобы вдохновиться искусством. Я просто боюсь, что он, выйдя из театра, начнёт шалить на улице.

<http://bllate.org/book/15435/1368589>